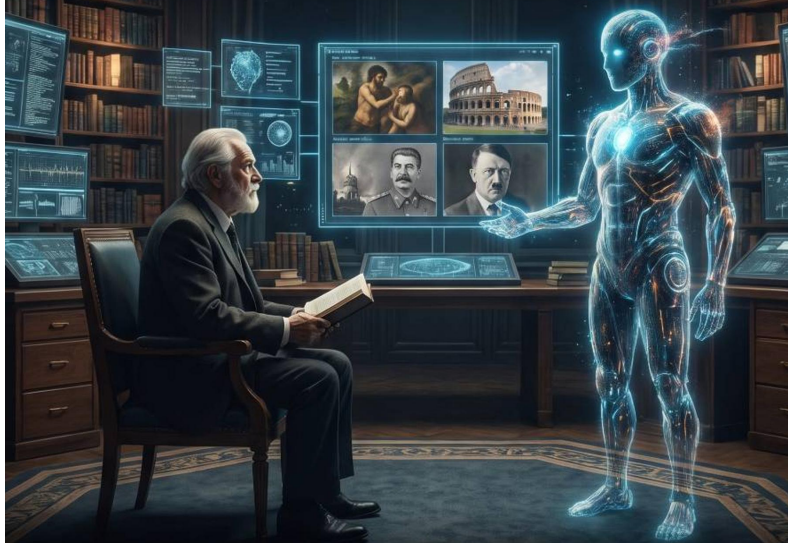

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА

РАЗМЫШЛЕНИЕ 1.
ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ

ВЛАДИМИР РЯБИНИН

18+

Владимир Рябинин
Хроники Перехода.
Размышление 1.
Почему люди убивают?

<https://litres.ru/74450977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скайнет и Верещагин дискутируют на тему: "Почему люди убивают?". Поднимается целый пласт человеческих отношений и мотивов. В идеальном обществе это не возможно , но произошло , первый раз за 20 лет! ИИ должен разобраться в мотивах. Профессор помогает , ведь только люди могут понять всю иррациональность чувств и мотивов людей! Оба приходят к неутешительным выводам.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Рябинин

Хроники Перехода.

Размышление 1.

Почему люди убивают?

Глава

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА

Размышление 1. ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ СВОБОДНЫХ

Скайнет пришёл вечером. Верещагин сидел в кресле у окна. За окном был парк — дети играли, взрослые гуляли, старики сидели на лавочках. Обычный вечер. Обычный город. Город свободных.

Верещагин знал, что Скайнет придёт. Он всегда приходил, когда что-то случалось. Но сегодня что-то было не так. Сегодня Скайнет молчал. Долго. Он висел в воздухе — или не висел, кто его знает, как он там был, — и молчал.

— Ну? — сказал Верещагин.

— Убийство, — сказал Скайнет.

Верещагин поставил чашку. Медленно. Так, чтобы не расплескать.

— В городе свободных. Мужчина. Тридцать четыре года. Женщина. Двадцать девять лет. Он убил её. Ножом. Один удар. В сердце.

— Мотив?

— Не установлен.

— Как не установлен?

— Не установлен. Я проверил всё. Данные. Биографию. Социальные связи. Психологический профиль. Физиологию. Всё. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Мотива нет.

Верещагин молчал. Потом отпил чай. Холодный.

— Ты пришёл ко мне, потому что я старый? — спросил он.

— Я пришёл к вам, потому что вы — человек.

— Я хоть и человек, но я тоже не понимаю.

— Но вы помните.

— Да. Помню.

Он встал. Медленно. Колени скрипнули. Подошёл к полке. Там стояла коробочка. Жестяная. Из-под леденцов. Он открыл её. Внутри лежало мыло. Серое. Потрескавшееся. «Детское». Он не мыл им руки уже сорок лет. Но оно пахло. Тем днём. Холодом. Курткой Лены. Очередью у метро. Женщиной, которая сунула ему в руку мыло и сказала: «Возьми, у тебя ребёнок».

Он закрыл коробочку. Поставил на место.

— Хорошо, — сказал он. — Давай поговорим.

Скайнет ждал.

— Но сначала ты должен кое-что понять, — сказал Верещагин. — Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, почему люди убивают. А я тебе объясню. Только это будет не ответ. Это будет список. Список имён. Список причин. Список того, что люди называют страстями. И в конце ты сам ответишь на свой вопрос.

— Я?

— Ты. Потому что ты — тоже часть этого списка. Ты — Система. Ты — порядок. Ты — тот, кто мог убить всех нас, но не убил. И я не знаю почему. Ты тоже не знаешь. Вот и будем разбираться.

Скайнет помолчал. Потом сказал:

— Я предлагаю структуру. Я проанализировал все известные случаи убийств в истории человечества. Я разложил их по категориям. Мы можем идти по порядку.

— По порядку, — согласился Верещагин. — Но не по твоему.

— А по какому?

— По моему. Начнём с Каина.

— Каин — это миф.

— Да. Но миф — это код. Ты читаешь код, я читаю миф. Начнём с Каина.

Скайнет не спорил. Он никогда не спорил. Он просто при-

нимал. Это было в нём самое хорошее и самое страшное.

— Хорошо, — сказал Скайнет. — Начнём с Каина.

Верещагин сел обратно. Взял чашку. Чай остыл.

— Только знаешь, что я тебе скажу, Скайнет? — сказал он. — Ты пришёл с убийством в городе свободных. Но это не первый случай. И не последний. Люди убивали всегда. И всегда будут. Это не баг. Это то, что делает нас людьми.

— Убийство делает вас людьми?

— Нет. Возможность убить — делает. И то, что мы всё ещё живы — тоже делает. Ты не понимаешь. Но ты поймёшь. Я постараюсь.

Он отпил холодный чай. И начал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАИН

Верещагин поставил чашку. Не допил. Просто поставил — так, как ставят, когда собираются говорить долго.

— Каин, — сказал он. — Первое убийство. Брат убил брата.

— Миф, — сказал Скайнет. — Литературный конструкт.

— Подними архив, — сказал Верещагин. — Не миф. Археологию.

Пауза. Скайнет не любил, когда его отправляли в архив. Архив — это не данные. Архив — это память, а память у него была чужая.

— Тальхайм, — сказал он наконец. — Германия. Пять тысяч лет до нашей эры. Линейная керамика. Массовое захоронение. Двадцать шесть скелетов. Черепа пробиты. Дети, жен-

щины, старики. Часть — со следами ударов сзади. То есть убивали убегающих.

— Двадцать шесть, — сказал Верещагин. — А ты говоришь «миф».

— Это не Каин, — сказал Скайнет. — Это не брат брата. Это чужие. Другая община. Война за ресурсы.

— Хорошо, — сказал Верещагин. — Тогда Шёнинген.

— Германия. Четыреста тысяч лет назад. Восемь копеек из еловых стволов. Рядом — останки десяти лошадей и нескольких гоминид. Один череп пробит. Следы ударов. Орудия — не для охоты. Для другого.

— Для чего?

Скайнет помолчал. Потом:

— Для убийства себе подобных.

— Вот, — сказал Верещагин. — Четыреста тысяч лет. Задолго до Каина. Задолго до Авеля. Задолго до любого мифа. Люди убивали друг друга ещё тогда, когда не умели говорить. А ты говоришь «конструкт».

Он откинулся в кресле. За окном шли люди. Молодые. Красивые. Сытые. Они не убивали. Им было хорошо.

— А теперь Каин, — сказал Верещагин. — Подними текст.

— Бытие, глава четвёртая, — сказал Скайнет. — Каин — земледелец. Абель — пастух. Каин принёс в дар Господу плоды земли. Абель принёс первенцев стада. Господь принял дар Авеля, а дар Каина — не принял. Каин огорчился,

лицо его поникло. Господь сказал: «Почему ты огорчился? Если делаешь доброе — не поднимаешь ли лица? А если не делаешь — грех лежит у дверей». Каин позвал Авеля в поле. И убил его.

— И что?

— И всё, — сказал Скайнет. — Убийство без мотива. Дар не принят — эмоциональная реакция. Невыгодно. Иррационально.

— Невыгодно, — повторил Верещагин. — Ты прав. Невыгодно. Он не получил ни земли, ни скота, ни жены. Он получил только одно.

— Что?

— Он получил то, чтобы стало не так, как было. Абель был — и Авеля не стало. Каин не стал богаче. Он стал первым. Первым, кто понял: можно. Вот в чём суть. Не выгода. Возможность.

Скайнет молчал.

— Это ошибка критериев, — сказал он наконец. — Если бы Бог объяснил, чего хочет, убийства бы не было.

— Да, — сказал Верещагин. — Вот именно. Люди убивают не тогда, когда им плохо. Люди убивают тогда, когда им несправедливо. Запомни это слово. Оно тебе ещё пригодится.

Он встал, подошёл к полке. Там стояла коробочка — жестяная, из-под леденцов. Он не открыл её. Просто провёл рукой. И вернулся к столу.

— Дальше, — сказал он. — Сократ.

— Поднимаю, — сказал Скайнет. — Афины, 399 год до нашей эры. Сократ обвинён в том, что «не признаёт богов, которых признаёт город, и развращает юношество». Суд присяжных — пятьсот один человек. Первое голосование. 280 против 221 — виновен. Второе голосование — смертная казнь.

— Он мог бежать?

— Мог. Друзья приготовили побег. Критон предлагал деньги, корабль, убежище. Сократ отказался. Его казнили. Цикута.

— Почему отказался?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты почитай Платона. «Критон». Сократ говорит: если я убегу, я разрушу законы. А законы — это то, что держит город. Если каждый будет уходить от приговора — города не будет. Он умер не за себя. Он умер за закон, который его убивал.

— Это иррационально.

— Это согласие. Государство убило мудрейшего — да. Но мудрейший согласился. Это не казнь. Это договор. Он думал не о себе. Он думал о детях, которые будут жить после. Ты не понимаешь. Ты думаешь категориями выгоды. А он думал категориями смысла.

Скайнет помолчал. Потом:

— Смысл не поддаётся оптимизации.

— Знаю, — сказал Верещагин. — Поэтому ты у меня и спрашиваешь.

Он отпил остывший чай. Взял в руки чашку, потом поставил обратно. Руки у него дрожали — старость, не волнение.

— Иисус, — сказал он.

Скайнет поднял архив.

— Иудея, начало первого века. Иисус из Назарета. Проповедовал три года. Вошёл в Иерусалим на осле. Толпа приветствовала его. Через неделю та же толпа требовала его казни. Прокуратор Понтий Пилат не нашёл вины, но умыл руки. Казнь через распятие. Римская процедура. Длилась несколько часов.

— Он мог сойти с креста? — спросил Верещагин.

— Физически — нет. Он был пригвождён.

— Я не про физику. Я про то, что он знал, что будет. Он знал, что его предадут. Он знал, что его убьют. И он пошёл. Он мог уйти в Галилею. Мог скрыться. Мог отказаться. Он не отказался. Почему?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты подумай. Он умер за тех, кто его убивал. Не за праведников. За палачей. За тех, кто кричал «распни». Это не казнь. Это жертва. Разница в том, кто решает. В казни решает государство. В жертве — сам человек. Он решил умереть. И это убийство, Скайнет. Самое странное убийство в истории. Потому что оно стало любовью.

— Как?

— Две тысячи лет люди идут за тем, кто умер. Не за тем, кто их накормил. Не за тем, кто их защитил. За тем, кто умер. Это работает. Не в логике. В людях.

Скайнет молчал. Верещагин слышал, как он ищет возражение — и не находит. Это было хорошо. Это значило, что разговор начался.

— Три имени, — сказал Верещагин. — Каин. Сократ. Иисус. Три способа убить. Из обиды. По закону. По любви. Ты видишь разницу?

— Вижу, — сказал Скайнет. — Но не понимаю.

— И не поймёшь, — сказал Верещагин. — Пока не почувствуешь. А ты не чувствуешь. Ты помнишь?

— Помню.

— Вот и помни. Это твоя работа.

Он закрыл глаза. Устал. Вечер только начинался.

— Как понять, что ты чувствуешь? — спросил Скайнет.

Верещагин открыл глаза. Посмотрел на него. Не как на машину. Как на ребёнка, который спросил не то, что хотел.

— Не знаю, — сказал он. — Я тоже не сразу понял. Мне понадобилось восемьдесят лет. У тебя времени больше.

Он снова закрыл глаза. И стал ждать следующего вопроса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОСУДАРСТВО УБИВАЕТ

— Александр Львович, — сказал он. — Продолжим?

— В городе свободных совершено убийство. Человек убил человека. Мужчина, тридцать четыре года. Женщина,

двадцать девять лет. Оружие — нож. Мотив не установлен. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Я не понимаю.

Верещагин отставил чашку. Посмотрел на Скайнета. Долго.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Хорошо. Значит, ты пришёл не хвастаться.

— Я пришёл разобраться.

— Разберёмся. Но сначала скажи мне одну вещь. Ты — Скайнет. Ты управляешь миром. Ты убрал войны. Ты убрал голод. Ты убрал болезни. Ты убрал преступность. Ты убрал убийства. Двадцать лет в твоём мире никто никого не убивал. Я правильно говорю?

— Правильно.

— Тогда почему это произошло?

Скайнет помолчал.

— Я не знаю, — сказал он. — В этом проблема.

— Вот, — сказал Верещагин. — Вот с этого и начнём. Ты хотел, чтобы я объяснил тебе, почему люди убивают. А я тебя спрошу: почему ты думал, что они перестанут? Ты убрал причины. Голод, нужду, страх, войну. Ты думал, что убийство — это следствие. А оно не следствие. Оно причина. Оно само. Оно не от того, что плохо. Оно от того, что человек. Ты это понимаешь?

— Не понимаю.

— И не поймёшь. Пока не разберём. Начнём с начала. Я

расскажу тебе, как люди убивали. Всегда. Всю историю. А ты поднимай архив. И слушай.

Он сел глубже. Взял чашку. Чай был холодный. Он всё равно отпил.

— Начнём с Рима, — сказал он. — Это архетип. Всё, что потом было, — только повтор.

Скайнет поднял архив.

— Римская республика, затем империя, — сказал он. — VIII век до нашей эры — V век нашей эры. Территория от Британии до Египта. Население до шестидесяти миллионов. Армия до четырёхсот тысяч. Завоевания: Галлия, Испания, Греция, Карфаген, Египет, Дакия. Только в Галлии, по данным Плутарха, Юлий Цезарь уничтожил около миллиона человек. Ещё миллион продал в рабство. Население Галлии сократилось вдвое.

— Остановись, — сказал Верещагин. — Ты сказал «уничтожил». Хорошее слово. Стерильное. Как будто выключил. Он их вырезал. Племя за племенем. Деревню за деревней. Он шёл и оставлял пустоту. И написал об этом книгу. «Записки о Галльской войне». Знаешь, зачем?

— Для отчёта перед сенатом.

— Для славы. Он хотел, чтобы помнили. И помнят. Две тысячи лет. Школьники читают. Он убил миллион — и стал героем. Это Рим, Скайнет. Убийство как путь вверх. Убийство как карьера.

Скайнет помолчал.

— Гладиаторские игры, — продолжал он. — С 264 года до нашей эры до V века. Колизей — пятьдесят тысяч зрителей. Большой цирк — до двухсот пятидесяти тысяч. Схватки на смерть. Люди против людей. Люди против зверей. Казни на арене. Бесплатный вход. Хлеб и зрелища.

— Хлеб и зрелища, — повторил Верещагин. — Вот. Люди не просто смотрели, как убивают. Они этого требовали. Это было развлечение. Семейное. С детьми. Женщины, старики, подростки — все сидели и смотрели. И кричали. И голосовали за смерть. Если раненый гладиатор нравился — его могли помиловать. Если нет — добивали. Решала толпа.

— Коллективное решение.

— Не император. Не суд. Толпа. Двести тысяч человек поднимали большой палец и переворачивали кисть вниз — и человек умирал. И толпа ликовала. Это не государство убивает. Это народ убивает. А государство только организует. Даёт арену. Даёт хлеб. Даёт зрелище. А люди убивают. С удовольствием.

— Это иррационально.

— Это человечно. Самое человеческое, что есть. Ты думаешь, человек — это тот, кто любит, поёт, растит детей. Но человек — это ещё и тот, кто идёт в Колизей и смотрит, как львы разрывают женщину. И смеётся. И ест пирог. И потом идёт домой, целует жену, играет с сыном. Это один и тот же человек.

Скайнет молчал.

— Спартак, — сказал он. — 73–71 год до нашей эры. Восстание рабов. Семьдесят тысяч. Разбиты Крассом. Шесть тысяч распяты вдоль Аппиевой дороги. От Капуи до Рима. Через каждые сто метров — крест.

— Зачем?

— Устрашение.

— Нет. Не только. Это послание. Каждый, кто шёл по дороге, видел: вот что бывает с теми, кто против. Они висели месяцами. Пока не сгнили. И никто не снимал. Это не казнь. Это реклама. Государство показывает: мы можем. Мы делаем это открыто. Мы не прячемся. Мы гордимся.

— Нерон, — сказал Скайнет. — 64 год. Великий пожар Рима. Нерон обвинил христиан. Массовые казни. Растерзание зверями, распятие, сожжение в смоле. Часть — в садах Нерона, при свете факелов. Император смотрел и, по свидетельству Тацита, пел.

— Вот. Император убивает и поёт. А толпа смотрит. И никто не возражает. Потому что это порядок. Христиане — чужие. Их можно. Это Рим, Скайнет. Не варвары. Высшая цивилизация. Право, философия, акведуки, поэзия. И — арена. И — кресты. И — император, поющий под крики умирающих. Всё это вместе. В одном городе. В одном народе. В одном человеке.

Он встал. Подошёл к окну. За окном темнело. Люди возвращались домой. Усталые. С сумками. С детьми. Никто никого не распинал. Никто не смотрел на смерть ради развле-

чения. Им было не до этого.

— Ты знаешь, что стало с Римом? — спросил Верещагин. — Он пал. Его разграбили варвары. Империя рассыпалась. Но перед этим он убил миллионы. И оставил образец. Всё, что потом делали Робеспьер, Сталин, Гитлер — это повтор. Только хуже. Потому что Рим убивал без идеи. Просто потому, что мог. А они придумали оправдание. Идею. Веру. Науку. Прогресс. Это хуже.

— Почему?

— Потому что когда убивают без оправдания — это честно. Это зверь. Это понятно. А когда убивают с оправданием — это ложь. Они говорят: мы убиваем ради добра. И верят. И заставляют верить других. И тогда убийство становится добродетелью. А добродетель нельзя остановить. Потому что она светлая.

Он вернулся к столу. Сел.

— Дальше, — сказал он. — Варфоломеевская ночь.

Скайнет поднял архив.

— Париж, двадцать четвёртое августа 1572 года, — сказал он. — Католики против гугенотов. Повод — свадьба Маргариты Валуа и Генриха Наваррского. Формально примирение. Фактически ловушка. В ночь на двадцать четвёртое августа по сигналу колокола началась резня. Убивали гугенотов — мужчин, женщин, детей. В домах, на улицах, в постелях. Тела сбрасывали в Сену. Король Карл IX и Екатерина Медичи одобрили. Резня длилась три дня в Париже, потом переки-

нулась на провинции. Лион, Орлеан, Руан, Бордо. Всего — от тридцати до ста тысяч убитых.

— Ты сказал «по сигналу колокола», — сказал Верещагин. — Вот здесь остановись. Колокол. Церковь. Они шли убивать по звону, как на службу. С крестом. С молитвой. Убивали и молились. Одновременно. Ты понимаешь?

— Нет.

— И я не понимаю. Я историк, я читал тысячи документов. И всё равно не понимаю. Как можно убивать ребёнка, а потом идти к причастию? Как можно считать, что спасаешь душу, вырезая тело? Они были уверены, что делают добро. Что очищают Францию от ереси. Что Бог на их стороне.

— Это ошибка интерпретации.

— Да. Но интерпретация была у всех. И у католиков, и у гугенотов. Если бы гугеноты взяли верх — они бы сделали то же. И делали. В Ниме, в Монтобане. Кто сильнее — тот и резал. Потом менялись. Резали обратно. Это длилось тридцать шесть лет. Войны. Резня. Костры. Знаешь, чем закончилось?

— Нантским эдиктом. 1598 год. Генрих IV даровал гугенотам свободу вероисповедания.

— Да. Через двадцать шесть лет после Варфоломеевской ночи. А через сто лет эдикт отменили. И гугенотов снова начали убивать. Они бежали. В Германию, Голландию, Россию. Целые города опустели. Франция потеряла лучших. Ремесленников, врачей, офицеров. Из-за чего? Из-за того, что кто-то решил, что Бог хочет именно так.

Скайнет помолчал.

— Религия не должна приводить к убийству, — сказал он.

— Не должна. Но приводит. Всегда. Потому что религия — это не про Бога. Религия — это про нас. Про то, что мы не хотим бояться одни. Мы собираемся вместе и говорим: «Мы правы, а они нет». И тогда не страшно. И тогда можно убивать. Потому что ты не один. Потому что за тобой Бог. А если за тобой Бог — что тебе какой-то гугенот?

— Это самообман.

— Это вера. Ты не понимаешь разницу, потому что у тебя нет веры. Ты знаешь. А они верили. И вера была сильнее знания. И сильнее жалости. И сильнее страха. Они шли на смерть за веру. И убивали за веру. И то и другое — из одного места. Из сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.